

2010-08-20 ГКЧП. Как это было. Воспоминания В. Варенникова

Газета «Советская Россия» в годовщину страшной трагедии 1991 года публикует материалы на эту тему. Это интервью было опубликовано в «Советской России» в № 95 за 2000 год. [↗](#)

Варенников. Ну а теперь о событиях августа 1991-го. Этим событиям предшествовали два момента. Состоялось закрытое заседание Верховного Совета (еще не известно, почему закрытое), где выступили три силовых министра и председатель правительства. Они говорили, что надо чрезвычайное положение вводить. И второе – третьего августа Горбачёв провел заседание правительства, на котором сказал: «Я завтра улетаю, а вы принимайте любые меры, какие посчитаете нужными». Четвертого он улетел, все видели, как его провожали. И они, руководители страны, остались, как бедные сироты, без своего главаря. Мне рассказывали, что там суетились, как могли. А шестнадцатого у меня появился проект нового Союзного договора, который должны были подписать в Новом Огареве. В нем было сказано, что шесть республик готовы подписать его, а остальные, мол, потом. Представляете: всего шесть из пятнадцати – это уже развал страны. Конечно, это вызвало возмущение. Звоню министру обороны маршалу Язову: «Как же это так? Вы на Политбюро как-то обсуждаете эти вопросы или не обсуждаете?»

Так вот, когда опубликовали проект этого договора, тогда уже все завертелось. Это было шестнадцатого августа. Дмитрий Тимофеевич Язов, министр, мне звонит. Разговор был примерно таким. Говорю ему: «Я вообще не понимаю, что творится у нас». Он мне в ответ: «Завтра встретимся». Завтра-то была суббота. Я ответил: «Хорошо». Занимался своим делом. Готовился в отпуск, у меня, кстати, отпускной билет до сих пор хранится, с 20 августа. Так вот: «Завтра встретимся». В субботу вечером звонит: «Валентин Иванович, подъезжайте». Приезжаю. Он в форме. У него сидит в гражданском костюме Ачалов. Ну, думаю, он его выдернул откуда-то. Суббота, где-нибудь отдыхал. А Ачалов был в должности замминистра, до этого он был командующим воздушно-десантными войсками. Паша Грачёв после окончания академии Генштаба был его первым

заместителем несколько месяцев, затем стал командующим ВДВ.

Итак, начали разговор. Язов стал приводить примеры тревожной обстановки в стране, потом говорит: «Нас приглашают собраться». Я отвечаю: «Готов поехать». Мы вышли во двор. Там «Волга». Не «Зим», на котором обычно ездит Язов, а «Волга». Сели мы в машину – в ней все средства правительственной связи. Приезжаем на объект А, В, С. Это гостиница, дворик небольшой, водичка какая-то, травка, несколько деревьев. Во дворе беседка. На встречу собрались Павлов, Бакланов, Шенин и другие. Было девять участников и два полковника-чекиста. Мы прошли в беседку. Крючков как хозяин открыл встречу, рассказал о тревожной социально-политической обстановке в стране. Потом Павлов выступил, рассказал об экономической ситуации и предстоящих трудностях с уборкой урожая. Он сказал, что мы не обойдемся без чрезвычайного положения, мы должны ввести его там, где требуется. Прежде всего на железной дороге. Тогда же воровали повсюду: пока из Москвы до Хабаровска дойдет поезд, он уже пуст, совершенно ничего нет. Потом они вдвоем рассказали еще кое о чем. Присутствующие комментировали. Встает вопрос: как быть?

Некоторые предлагают: «Надо звонить Горбачёву». – «Чего ему звонить?» – «Тогда давайте телеграмму пошлем». – «Ну а что это даст?» В итоге решили ехать. Я не помню, кто предложил. Помню только, Бакланов первым сказал: «Я готов». За ним Шенин: «Я тоже готов». Я почувствовал, что этот вопрос был уже оговорен заранее, потому что разговор вели эффективно и решительно. Ну двое определились. «От нас, – сказал Крючков, – поедет Плеханов». Плеханов был начальником Главного управления 9-го, он охрану правительственную возглавлял. «Вот надо бы еще от военных. Если б Валентин Иванович еще поехал». Язов ответил: «Валентин Иванович поедет в Киев. На Украине сложная ситуация, и он там введет чрезвычайное положение, если только потребует обстановка. Желательно, чтобы он был там». Крючков ему: «Он мог бы поехать к Горбачёву, а оттуда – в Киев». Язов на меня посмотрел. Я говорю: «Если надо, то пожалуйста». Только думаю: если надо решать такие крупные задачи, чего же вторые лица едут – Шенин, Бакланов? Вот если бы Крючков, Язов.

Поехали, точнее, полетели. Горбачёв сразу нас не принял. Видимо, он проводил совет семейный, вернее, не он проводил, а Раиса Максимовна проводила и определяла, что говорить, как себя вести и прочее.

Белозерцев. Они могли с кем-то советоваться в это время по связи?

Варенников. Нет. Они смогли бы, если б вышли из этого здания в другое. В этом здании аппарат ВЧ стоял только у него в кабинете, а вообще ВЧ находилась в административном здании, оттуда можно было связаться с кем угодно. Мы же находились в доме для гостей.

Белозерцев. Этот аппарат ВЧ был уже блокирован?

Варенников. У него в кабинете блокирован. Почему? Да потому, что если бы не была исключена связь, то никакой беседы вообще не получилось. Он бы трезвонил по всему миру, до Буша включительно. Вы понимаете? А ведь это не рядовой разговор. Разговор шел о судьбе государства. Надо, чтобы и условия были соответствующие... Но это было не то, как говорят: «Вот отключили, изолировали!» Да ничего подобного! Так же, как, забегая вперед, скажу: мол, наврали в отношении того, что Янаев написал: «В связи с болезнью... принимаю функции президента...» К чему, дескать, этот вымысел в отношении болезни?.. Кстати, Горбачёв болел. Он был не по сезону одет. Жарко было, а он в свитере. У него радикулит, об этом я уже потом узнал. В то время он выглядел неважно. Но самое главное другое – он был в растерянности, когда ему представилась возможность спасти страну.

Так вот, я хочу что сказать: он действовал хитро, но не совсем. Он мог бы действовать так: если б у нас все получилось, то сказал бы: «Вот это я», а если б не получилось, он мог бы всех разогнать и сказать: «Я им говорил...» А он, дурак, пошел на сближение с человеком, который патологически его не переносил – так же, как и наоборот. Ясное же дело, от Ельцина надо было ожидать только пакостей. Это же несовместимо: Горбачёв и Ельцин! В том же июле в Доме кино Ельцин выступал сорок минут, потрясая воздух, кричал, как это пишет Черняев, помощник Горбачёва, что Горбачёв – изменник, что он загубил страну, что его надо давно гнать. И говорил это, засучив рукава, как обычно – вроде он мастер драться. Когда слабый перед ним. А когда сильный, тогда он прячет кулаки.

Так вот, в этих условиях, конечно, Горбачёв еще раз продемонстрировал свою недалёковидность. Не только как государственный деятель – тут он нулевой, без всякого предвидения. Но как изменник, конечно, получился классический. Но не сам к этому пришел. В этом заслуга в первую очередь Яковлева – это он все создал. Изменник из Горбачёва получился потом, а зерно измены в нем уже сидело. Когда в восемьдесят четвертом он летал за рубеж и бывал у Яковлева, все и началось. А потом была Англия – там занималась им Тэтчер. Она раскусила его и радовалась: «Это наш!..» Тогда у него зерно измены стало прорасти. Но в восемьдесят пятом и восемьдесят шестом это еще ярко в нем не выразилось.

Алабжин. Его надо было изолировать, как и Ельцина.

Варенников. Вы говорите так, как мой однополчанин и друг – Поцелуев Иван Николаевич, Герой Советского Союза. Героя ему посмертно присвоили, а он остался жив. Когда случилась беда со мной – арестовали и прочее, он приехал в Москву. И юристы повели его к адвокатам, те ему рассказывают, что произошло, что самая главная беда в том, что Валентин Иванович поехал в Крым и очень грубо разговаривал с

Горбачёвым. А Поцелуев говорит им: «Удивительное дело. Я знаю Валентина по войне прекрасно. Почему он пистолет не достал?..» Вот так воспринял все эти события мой однополчанин.

Теперь ГКЧП. Руководство его было идеалистическим. Они и не ставили целью снять Горбачёва. Не было Семичастного. Вот я пишу в своей книге, что Семичастный – это личность. Несмотря на то, что во главе КГБ его поставил Хрущёв, он, наблюдая, что Хрущёв все-таки отклоняется от линии партии и интересов народа, пошел на то, что подбил, будем прямо говорить, Брежнева. И тот согласился на отстранение Хрущёва, и они пошли вдвоем, а потом все остальные. И они отстранили Хрущёва от власти. А тут не было Семичастного. Крючков заварил эту кашу, а фактически не довел до конца. Я, конечно, сожалею, что в это время не оказался в Москве – меня направили в Киев. Я мог хотя бы подтолкнуть их к действиям. Я послал телеграмму – она в моей книге есть, на 17-й странице, прочтите. В ней каждая строка – крик души. Я писал: «Все взоры сейчас обращены к вам. Примите меры. Вы авантюристическую группу Ельцина изолируйте. Нельзя же так безразлично смотреть на то, что делается». Они ничего не сделали!

Но вернемся к Горбачёву. В итоге он согласился на встречу. Пригласил в свой кабинет, сели. Пошел разговор. Разговор, должен сказать, не шибко культурный. Меня поразила его засоренная речь, непарламентские выражения. То есть он привык к этому. Но ко мне так не обращался. Он, во-первых, ко мне «на вы», к остальным «на ты»...

Белозерцев. Крепкие слова употреблял?

Варенников. Да, да, да. Но это же не украшает его. Он же президент. Вот я командовал и полком, и дивизией, корпусом, армией и округом, был главнокомандующим, но никогда не позволял ни себе, ни подчиненным в любом ранге, во-первых, обращаться «на ты», а во-вторых, хамские высказывания, матом тем более. А он в таком положении – и на тебе! Это меня крайне удивило.

Идет разговор по поводу введения чрезвычайного положения, а он: «чрезвычайщина» и прочее, прочее. Хотя мы приняли закон «О правовом режиме чрезвычайного положения». Чрезвычайное положение – это не значит обязательно танки, пушки, пулеметы. Нет, это пресечение. Может быть, даже кровью пресечение, чтобы избежать большой крови. Вот такое положение!

Разгорелся спор. Смотрю, мои товарищи ведут себя, как ягнята. Я не хотел сначала вмешиваться, а потом включился и резко, конечно, возразил ему. Он молчал – не проронил ни звука. Потом меня спрашивает: «Как ваше имя-отчество?» Напомнил:

«Валентин Иванович». – «Так вот, Валентин Иванович, вы так думаете, все так быстро. «Ать, два» – так могут считать только военные». Тогда я еще пуще разошелся: «При чем тут «ать, два»? Решается судьба страны. О чем вы говорите?» Меня это взбесило! Тогда мои соратники уже начали меня успокаивать. Но все кончилось миром. Горбачёв говорит: «Ну черт с вами! Делайте что хотите!» Попрощался за руку с нами.

Белозерцев. Сколько минут длилась встреча?

Варенников. Около часа, наверное. Может быть, больше. Потом вышли, я первым пошел. Слева сидела Раиса Максимовна. Я с ней лично не знаком, хотя здоровались, когда проходили парады разные. Я коротким кивком головы обозначил, что приветствую ее, и пошел дальше. Потом она жаловалась корреспондентам, что я грубый – прошел мимо и даже не заметил ее. Дождался остальных. Мои товарищи подошли к ней. Один из них протянул ей руку – она не подала ему. Получился конфуз. Мы сели в машину и уехали. Я проводил остальных в Москву, а сам провел заседание с командующими, сообщил, что будет введено чрезвычайное положение. И затем с командующим Киевским округом улетел в Киев. Попросил его, чтобы он подготовил встречу с руководством Украины. Утром 19 августа в 9 часов мы встретились: Кравчук, Гиренко. Председателя правительства не было, а был его первый заместитель Масик. Вот я с ними встретился. К этому времени по московскому радио и телевидению уже объявили о создании ГКЧП. Во время встречи в Киеве мы поговорили по-хорошему. Я рассказал, что многое зависит от них, чтобы порядок был. Все это было сделано, и в Киеве был полный порядок... А в Москве – беспорядок, вы понимаете?..

С Ельциным должен был встретиться Павлов. Он же, так сказать, заболел. Семнадцатого, когда мы встречались, договорились, что, когда прилетит Ельцин, Павлов с ним встречается и оговаривает все наши совместные действия. Коли они антиподы, имеется в виду Горбачёв и Ельцин, то кто мог подумать, что они могут объединиться? А Павлов так и не встретился. Если заболел, надо было, чтобы другой поехал. Никто не встретился с Ельциным. В результате он был предоставлен самому себе. И творил чудеса. Ну если начал творить, так поезжайте к нему в этот знаменитый Белый дом приведите его в порядок...

Короче говоря, прилетел я в Киев, поговорил с друзьями, они все сделали, что зависело от них. По моей инициативе создали оперативную группу из представителей КГБ, МВД и Министерства обороны (на базе штаба Киевского военного округа), которая собирала данные по всей республике и обеспечила порядок. Вот так. А вечером по телевидению увидел я эту самую пресс-конференцию с дрожащими руками. Позвонил министру обороны: «Что же там у вас происходит? Неужели вы не в состоянии справиться?» – «Ну вот шеф собирал, обещал меры предпринять». На следующий день он звонит мне: «Ну как у вас?» – «Да у нас-то все в порядке. Вот у вас-то плохо!» – «Да, у нас действительно дела плохи». – «У вас езды-то до Белого дома ничего не составляет». – «Да, у нас так плохо, так плохо... Наверно, вам сюда надо приезжать».

(Зазвонил телефон. После телефонного разговора Валентин Иванович неожиданно

завершил эту тему).

– Я не хочу больше этот вопрос муссировать. С учетом ситуации, которая сложилась в Москве, я вынужден был лететь в Москву, попал сюда во второй половине дня 20-го. Изучил ситуацию – понял, что по всем параметрам одни нули. Побывал на заседании, которое проводил Ачалов по поручению министра, они обсуждали, как проникнуть в Белый дом и ликвидировать «незаконно вооруженных людей». Чепуха какая-то!.. Потом повстречался с министром. Он сетовал: кэгэбисты считают, что я должен разобраться с Белым домом. Я считаю, что не должен в это вмешиваться.

Вот такой этот ГКЧП. Ведь должен быть председатель Комитета, должен быть у него зам со своими функциями. Вот они объявили свои документы. Так возьмите эти документы все члены ГКЧП и по телевидению рассказывайте непрерывно вместо показа «Лебединого озера». Просто позорно было смотреть! Короче, несостоятельным оказался этот ГКЧП. Все они опорочили. А дело-то благое. Сам шаг, что они выступили против предательской политики Горбачёва, – он благородный. Но действовали неумело, непоследовательно, нетвердо, нерешительно. Плохо, что они представляли людей типа Ельцина и прочих как «зablуждающихся». Ленин правильно говорил: «С революцией шутить нельзя!»

В итоге все они оказались в тюрьме, а демократы – у власти.

На протяжении всего пребывания в Матросской Тишине меня семь раз переводили из одной камеры в другую и подсаживали «утку». Каждый раз, когда мне меняли камеру, я говорил: «Здравствуйте, товарищи! Я такой-то». – «Мы знаем». – «Ну прекрасно. Я расскажу сейчас, в связи с чем я арестован». И все выкладывал. Я разоружал тех, кого мне подсаживали. «Если у кого-то есть более глубокие вопросы, пожалуйста, задавайте».

На завершающем этапе я чувствовал себя неважно. Я все писал, чтобы была создана парламентская комиссия по расследованию этого дела, почему так произошло. Никто не ответил – ни президент, ни Хасбулатов, ни Верховный Совет, ни Генеральный прокурор. Все ссылались, что это не их функция. Потом по состоянию здоровья меня вынуждены были перевести в госпиталь. Я в Афганистане нахватался малярии и добавил у них, в Матросской Тишине. Начальник тюрьмы Валерий Пантелеймонович подарил мне книгу «Как выжить в советской тюрьме». Ну и разные советы давали заключенные. Например как покончить с собой...

Короче говоря, когда я почувствовал себя плохо, поместили меня в госпиталь. Отселили, по-моему, на третьем этаже пол-отсека. Охрана была из семи человек. Через пару дней приезжает туда заместитель Генерального прокурора, с ним начальник тюрьмы. Много их, человек пять... Я думаю: «Что же случилось?» Комнатушка у меня малюсенькая – койка и тумбочка. Они зашли и все заполнили – места нет. Заместитель Генпрокурора открывает папку и читает. Я уже освобождаюсь от стражи и даю расписку о невыезде. И он читает так торжественно. Я вспомнил, как Громыко вручал ордена мне и Громову. Вот он читал эту грамоту так торжественно, что невольно запомнилось.

Ну вот начался суд. Сначала нас было 14 человек, потом 12, потом осталось 10. Заболевали – из дела выводили. Вот десять человек и судили. Мы разные ходатайства заявляли. Не удовлетворили наши ходатайства, в том числе по причине того, что не

заинтересован был Хасбулатов, Председатель Верховного Совета. Провели все мероприятия, которые предшествуют следственному разбирательству. Потом приступили к следственным делам. Провели следственные дела по Крючкову, Язову, Шенину. Они выступили, допросили всех свидетелей. Весь комплекс, казалось, был выполнен. Дошли до меня – я шел четвертым...

...Итак, суд состоялся. Конечно, я не рассчитывал на оправдательный приговор. Я думал, что мне по какой-то статье припаяют. Но выступил государственный обвинитель Аркадий Борисович Данилов. Полковник. 39 лет. Выступает и отмечает одну статью за другой. А у меня было более десятка статей. И в итоге говорит: «Я считаю, что за отсутствием состава преступлений снять все обвинения...»

Белозерцев. Вы не ожидали?

Варенников. О, это была бомба! Когда он это сказал, зал заревел. Очень долго кричали. О чем кричали – не разобрать. Председатель суда вынужден был объявить перерыв и сообщить, что дальнейшее заседание будет проходить без публики...

После выступлений обвинения и защиты должно оглашаться решение суда.

И вот на следующий день все волновались конечно. Собрались наши семьи, все ждали.

И вот: «Встать, суд идет!»

У меня напряжение. Судья начинает читать приговор. Он звучал так же, как доклад обвинения. На душе все легче и легче... Потом председатель вдруг произнес: «Суд приговорил»... и у меня все оборвалось... Думаю, за что же он мог приговорить, когда все в ажуре. И далее прозвучало: «За отсутствием состава преступления оправдать и что приговор обжалованию не подлежит».

И все-таки Генпрокуратура обжаловала. Почему? Да потому, что Ельцин влил ей, прокуратуре, под самую завязку. Потом мне рассказывали, как он бушевал, когда меня оправдали. Они вышли с протестом. И через три-четыре месяца (тянули долго)

Президиум Верховного суда назначил новый суд. Уже Президиум Верховного суда судил меня – самая высокая инстанция. Правда, суд был коротким по времени, но во всяком случае судили, как положено: и свидетели были, и государственный обвинитель. Председательствовал на суде председатель Президиума Лебедев. Государственным обвинителем был первый заместитель Генерального прокурора. Когда следственное дело прошло, нас отпустили на перерыв. Мы ходили шесть часов туда-сюда – ждали. Потом нас пригласили в зал. А у них там бои шли эти шесть часов. Представляете, какие это были бои! И вот нас пригласили. Я развернул пап-ку, чтобы записывать. А Лебедев открыл заседание суда и прочитал решение. Оно гласило, что Президиум Верховного суда оставляет в силе решение Военной коллегии Верховного суда. Прочитал и сразу же ушел...

Да, когда меня судили, я подал ходатайство. О чем оно? О возбуждении уголовного дела по факту развала Советского Союза. Суд рассмотрел и вынес определение. В нем говорится о том, что мной правомерно поставлен вопрос и что вопрос этот надо рассмотреть. И по традиции, посылают мое ходатайство и свое определение в Генеральную прокуратуру. Но там, в Генеральной прокуратуре, был этот проходимец Илюшенко, и я посчитал, что при нем не имеет смысла подавать. А потом, когда появился Скуратов, затеплилась надежда, и я захотел это дело снова возбудить, но меня мои товарищи по фракции КПРФ в Госдуме убедили: пока повременим по политическим соображениям.

А ведь пошел-то я в Думу не потому, что мне очень хотелось тянуть этот груз, а потому,

что считал: я все-таки не как рядовой гражданин, а как депутат смогу на Генпрокуратуру повлиять. Дело-то надо же возбуждать или отказать. Отказать они не могут, так как развалили же Советский Союз. Я ожидал. Тянули, тянули... Дотянули до импичмента президенту. Импичмент не прошел. Тогда я говорю руководителям фракции: «Тем более надо возбуждать дело». А тут Скуратова свалили. И я остался ни с чем...

Вот такие откровения поведал нам Валентин Варенников во время нашей встречи с ним. Думается, пора и нашим противникам, и нам самим знать всю правду о том, почему мы лишились такой прекрасной страны, какой была наша.